

В МАРТЕ 1964 года, когда я впервые переступил порог одноэтажного коринского дома между Большой и Малой Пироговскими улицами, Павел Дмитриевич показался мне похожим на утонченного итальянского аристократа. Меня, в то время студента третьего курса историко-филологического отделения исторического факультета МГПИ имени В. И. Ленина, собиравшего материалы для научного доклада о развитии исторического жанра в русской живописи периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов, известнейший художник, лауреат Ленинской и Сталинской премий, принял не просто вежливо и радушно, но и по-настоящему доброжелательно.

— Я — ученик Михаила Васильевича Нестерова, — сказал мне в самом начале нашей беседы Павел Дмитриевич. — Если я хоть немного послужил своим творчеством Матушке-России и ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ НАРОДУ (эти слова Корин произнес громко и торжественно), то благодарить надо не меня, а моего незабвенного учителя и наставника. Помню, как мне, девятнадцатилетнему юноше-иконописцу, Нестеров говорил в 1911 году: «Художник должен быть образован всесторонне. Пополняйте свои знания чтением. Ходите на концерты, идите в театр. Внимательно слушайте все, что могут вам дать лучшие лекторы и ораторы. Внимайте московскому речестрою, гласу народному. Прилежно посещайте музеи и выставки, не отгораживайтесь от общественной жизни. Словом, все впитывайте и несите в искусство!» Я всегда следовал и поныне следую этому завету учителя!

— И в триптихе «Александр Невский»? — спросил я.
 — И в «Александре Невском» тоже. В конце июля 1942 года, когда в придонских и приволжских степях началась великая Сталинградская битва, меня пригласили в Комитет по делам искусств и предложили написать историческую картину о великом русском полководце Александре Невском, победителе шведских и германских варваров-крестоносцев. Я поначалу хотел отказаться, так как прежде никогда не работал над исторической темой и привык писать с натуры. Но председатель комитета Храпченко пристыдил меня: «На вас, товарищ Корин, надеется Родина, на вас очень надеется товарищ Сталин. Верховный Главнокомандующий просит меня спешно передать вам, что он просит вас, именно вас, показать в образе князя-героя Александра Ярославича Невского богатырский дух великого народа русского, мировое превосходство русского оружия, русского военного искусства, непобедимость Руси, ее непоколебимую и несокрушимую духовную мощь!» Я вспомнил, как Сталин спас меня и многих других художников-патриотов от исступленной троцкистской травли, как в 1937 — 1939 годах были разоблачены и справедливо наказаны многие злейшие хулители и ненавистники русского народа и Советской власти, жалившие и губившие нас исподтишка, — и согласился. К тому же я считал с в о и м гражданским долгом выполнить этот заказ...

— «Александра Невского» и «Северную балладу» вы писали одновременно? — уточнил я.
 — Весь триптих был написан в 1942 — 1943 годах, — рассказывал Павел Дмитриевич. — «Александра Невского» писал осенью 1942 года — в самый разгар Сталинградской битвы. В октябре 1942 года умер Михаил Васильевич Нестеров. С ним как бы оборвалось что-то дорогое, незабываемое, ушло навсегда... Потом была суровая зима 1942/43 года. В комнате, где я ледяными руками с коченеющими пальцами писал «Александра Невского», термометр обычно показывал минус пять, хотя железная печурка-«буржуйка» топилась часами кряду. Когда становилось совсем невмоготу — слушал пластинки Шалыпина. Даже в несовершенной граммофонной записи Федор Иванович пел властно, и его мощный бас заполнял и комнату, в которой я работал, и всю мастерскую, и даже соседний двор, где его слушал патруль ПВО.

— Изучая русские и западноевропейские летописи, русские мечи, шлемы, доспехи XIII века, я понял, что князь Александр Ярославич, прозванный Невским, был лучшим рыцарем своего времени, что отнюдь не случайно он поразил в единоборстве многоопытного воителя Биргера и собственноручно изрубил в окрошку десятка ливонских псов-рыцарей! — продолжал свой рассказ Павел Дмитриевич. — Поэтому я и изобразил его в типичных русских латах XIII столетия, но в открытом шлеме, поскольку мне нужно было показать светлый и гневный лик моего героя, его высшую духовность и справедливость, его княжеский, рыцарский долг. Невский у меня — олицетворенное праведное возмездие «душителям всех пламенных идей, насильникам, грабителям, мучителям людей». Его меч — карающий, взгляд — испепеляющий, непрощающий, неумолимый. Таким взглядом смотрели на фашистских детоубийц русские солдаты в годы Великой Отечественной... Он был обязан победить! И он победил! Победили его потомки, потомки тех, кто отстоял Русскую Землю в устье Невы и на льду Чудского озера!

...Будучи скромным человеком, Корин умолчал о истине необыкновенной фронтовой судьбе своей зна-

Павел КОРИН.
 Портрет работы М. НЕСТЕРОВА. 1925.

«...И ДУМ ВЫСОКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ...»

Лит. Россия. — 1992. — Чех. (№ 49). — с. 13.

Александр Невский. 1942 г.

менитой картины. Мало кто знает, что его «Александр Невский» с обнаженным мечом вошел в разрушенный фашистами Великий Новгород вместе с передовыми частями Красной Армии. Среди русских бойцов, освобождая старинный город от гитлеровцев, оказалось несколько художников. В землянке, перед наступлением, они по цветной фотопечатьке сделали копию «Александра Невского», копию, равную по размеру подлиннику. Едва штурмовые батальоны перешли Волхов и, преодолевая ожесточенное сопротивление фашистов, очистили от них Софийскую сторону, картину на огромном деревянном щите установили при въезде в

освобожденный город — рядом с контрольным пунктом автомобильной дороги. Около копии «Невского» установили еще один щит, поменьше, и написали на нем: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!».

Днем и ночью шли через разоренный Новгород на запад наступающие войска — их встречал и провожал грозный и величественный пращур, звал в смертный бой, к праведному возмездию — за миллионы убитых и зверски замученных русских женщин, стариков и детей, мирных жителей и военнопленных, за мучеников-ленинградцев, заморенных блокадным голодом, за украденное со шлемовидных куполов Новгородского Софийского собора золото, из которого захватчики понаделали себе кружек и портсигаров, за памятник Тысячелетию России, разобранный варварами XX века для вывоза на медеплавильни Круппа, Геринга и Мендельсона.

Немного в истории было подобных случаев — когда изобразительное искусство вот так, вплотную, в одном строю стояло с солдатами-фронтовиками. Именно в «Александре Невском», по моему твердому убеждению, сполна выражено то, о чем Павел Дмитриевич Корин писал: «Искусство должно быть героическим, воспитывать и поднимать дух народа».

И не коринский ли Александр Невский подсказал замечательному скульптору Евгению Викторовичу Вучетичу идею главного памятника мемориального комплекса, воздвигнутого в Трептов-парке в Берлине в честь воинов Советской Армии, павших в боях с германским фашизмом?! Русский солдат-победитель, одной рукой

**Из воспоминаний
 о Павле
 Дмитриевиче
 КОРИНЕ**

прижимающий к широкой груди спасенную немецкую девочку, правой рукой сжимает рукоять тяжелого русского меча, напоминающего меч Александра Ярославича, меч ратника-ополченца в «Северной балладе», меч княжеского дружинника в «Сполохах»...

1965 — 1967 годах я часто встречался с П. Д. Кориним. К сожалению, далеко не все его рассказы успел тогда записать, далеко не все мудрые мысли запомнил. Однако в мою память четко врезалась (и оставила заметный след в дневнике!)...

В долгая беседа с Павлом Дмитриевичем об «Уходящей Руси» в декабре 1965 года. Мы пили крепкий и душистый цейлонский чай (Корин никогда не употреблял спиртного, не курил, но любил хороший чай) — и говорили о разном. Когда же речь зашла об «Уходящей Руси», Павел Дмитриевич сказал с некоторой горячностью, обычно ему не свойственной:

— Нелегкая судьба выпала и на мою долю, и на долю Паши моей (Прасковии Тихоновны, жены П. Д. Корина) и на долю большинства этюдов к «Уходящей Руси». Воинствующие горе-атеисты поносили меня за идеализацию и восхваление попов, монахов и прочих церковников, а вредные религиозные фанатики, спекулирующие на православии, до сей поры не могут мне простить старого митрополита. Я же писал правду, стремился показать, как мне тогда, тридцать — тридцать пять лет тому назад, представлялось, «последний парад» православия на Руси. Одним своим героям я горячо и искренне сочувствовал, другим, мягко говоря, не любил.

— Кого же вы особенно любите, Павел Дмитриевич? — не удержался от вопроса я.

— Сергея Михайловича и Степана Сергеевича Чураковых, отца и сына, двух святорусских богатырей, поставленных мною рядом — плечом к плечу. Присмотреться к ним внимательно, пожалуйста! Это — та Русь, которая остановила и раздавила Гитлера. Я вообще стремился изображать не фанатиков, а людей убежденных, сильных, незаурядных. Но даже среди них Чураковы выделяются. Видимо, не совсем напрасно мой этюд «Отец и сын» искусствоведы и искусствоведы считают самостоятельным двойным портретом...

Сто лет прошло со дня рождения Павла Дмитриевича Корина. Двадцать пять лет его нет рядом с нами, четверть века тому назад мы опустили в могилу на Новодевичьем кладбище гроб с телом творца «Александра Невского», художника-патриота, художника-мыслителя. К счастью, с нами навсегда остались бессмертные творения автора, посвященные героическому и славному прошлому России. Сохранились его собрание икон и бесценные документы личного архивного фонда. С нами остались, говоря словами Александра Сергеевича Пушкина, и «скорбный труд, и дум высокое стремление» истинно народного живописца П. Д. Корина.

**Виктор ПРИЩЕПЕНКО,
 член Российской Народной
 Академии наук**